

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Сковородникова А. П. Экология русского языка. Красноярск: СФУ, 2016. 388 с.

В конце 2016 г. в Сибирском федеральном университете была опубликована монография А. П. Сковородникова «Экология русского языка» (Красноярск: СФУ, 2016. 388 с.) – гигантский, во многом энциклопедически значимый труд по обоснованию новой отрасли науки – лингвоэкологии.

Необходимость такой ветви знания в современном состоянии гуманитарных наук и новых условиях жизни человечества основывается не только на языковых фактах, засоряющих окружающую человека речевую среду, но и на философских, религиозных, писательских взглядах многих деятелей науки и искусства, что привело к одному из одновременно достоинств и просчетов исследования. Энциклопедическая полнота рассмотрения вопроса – несомненное достоинство, но его следствие – огромное количество цитат, часто противоречащих друг другу, безусловно авторитетных авторов разных эпох утомляет читателя, а иногда затемняет мысли самого А. П. Сковородникова, более содержательные и важные, чем цитируемые высказывания.

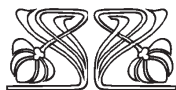
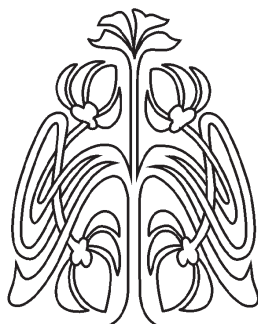
В книге 11 глав, и каждая из них очень важна, так как содержит или необходимость самого выделения лингвоэкологии как междисциплинарной сущности, или доказательства ее необходимости для продолжения существования человечества, или характеристики ее разделов и того рода деятельности, для которого характерны экологические загрязнения: сфера художественной литературы, сфера СМИ, сфера образования. Есть специальные главы о манипуляции, о роли мифов, о заимствованиях – все с позиции лингвоэкологии. И в завершающей XI главе – предложения к разработке и дальнейшему использованию специальных лингвоэкологических терминов.

Каждая глава заканчивается выводами не только с обобщающей констатацией фактов, факторов дезэкологизации, но и с конкретными предложениями организации борьбы за экологию окружающей нас речевой среды.

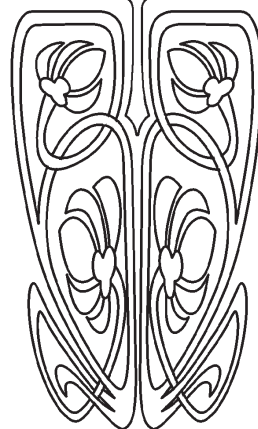
Самое главное в главе I – определение лингвоэкологии и как междисциплинарной науки с доминирующим лингвистическим ядром и такими задачами, как сохранение и развитие языка, языкового сознания и, как следствие, здоровья их носителей, и разграничение экологии языка как не просто сохранения, но и расширения, развития его возможностей, а экологии речи как не только борьбы с ее загрязнениями разного рода, но и увеличения ее эффективности. Эти выводы I главы положены в основу и всех остальных глав, каждая из которых очень убедительно доказывает необходимость лингвоэкологического направления в теоретическом и практическом изучении языка и речи.

В главе II очень детально рассмотрены в аспекте лингвоэкологии лексико-фразеологические утраты и приобретения русским языком и речью современной эпохи. С некоторыми суждениями (например, о желательности возврата к активному употреблению всех приведенных слов с корнем *благо*) можно не соглашаться, но с основными выводами о потерях и сомнительных приобретениях в современном лексиконе трудно не согласиться.

В главе III анализируются внешние заимствования, IV посвящена фактам жаргонизации, в V обращено специальное внимание на амбивалентность современного политического дискурса. В отдельных главах рассматриваются способы языковой манипуляции (VI), внешней и внутрироссийской русофобии (VII) как антиэкологическое явление безусловного причинения вреда русскому народу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Глава VIII специально посвящена русскому языку и литературе в нашем образовании, к сожалению, пока еще не направленном на лингвоэкологическое воспитание.

В главе IX с точки зрения лингвоэкологии анализируются существующие мифы, символы и особенно детально и во многом более глубоко и точно, чем в работах предшественников, словесные ярлыки как явно антиэкологическое явление.

В главе X рассматривается творческий потенциал русского языка и дается уточнение значений и употребления слов *творческий* и *креативный* с фактическим разоблачением модного жонглирования словами *креатив*, *креативный*.

Каждая глава основывается на приведенных в ней взглядах ученых и высказываниях выдающихся деятелей науки и культуры – с одной стороны, и огромном количестве иллюстраций примерами из газет и художественной (не всегда истинно художественной) литературы, что и создает ее энциклопедическую и научную значимость.

Ценность такого издания несомненна, но естественны и его недостатки. В монографии все положения богато иллюстрированы приведенными фактами из речи газет. Но это именно иллюстрации специально подобранными яркими фактами пока без выявления большей или меньшей экологичности газет разных типов, текстов разных авторов и разной (оппозиционной или провластной) направленности, а наш мониторинг выявляет явную зависимость газетной речи от типа газет и языковой компетентности автора. Очевидно, это задачи на будущее.

Думается, что не случайно в книге приводится так много негативных фактов из газеты «Завтра» и почти отсутствуют таковые из «Российской газеты». При этом «Завтра» не так читаема как многотиражные «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» (федеральный выпуск), и это тоже следовало бы учесть (их влияние на судьбу языка больше, чем газеты «Завтра»).

У нас вызвала сомнения целесообразность некоторых из предложенных А. П. Сковородниковым терминов: слишком медицински или химически ограниченны в восприятии (*токсины*, *наследственная болезнь*, *лингвонекроз*, *катализ* для официальных объединений и т. д.) и непонятны (*имиссия*) или трудно произносимы (*делингвофикационное*, *лингвотератогенный*), но сама идея создания терминов для лингвоэкологии очень важна и перспективна. Их систематизация по группам, очевидно, – задачи будущего.

Монография А. П. Сковородникова закладывает основы лингвоэкологии как синтеза не только разных ветвей лингвистики, но и как ветви уже состоявшейся *экологии* – защиты и сохранения природной среды. При использовании языка тоже создается пусть не природная, но неизбежно благоприятная или вредная для человечества среда обитания, поэтому А. П. Сковородников совершенно прав, доказывая очень большую цен-

ность экологически чистой речевой среды. Начало лингвоэкологии положено, задача филологов, философов, психологов, социологов (думаем, и медико-биологов) – совместными усилиями это начало продолжить, но прежде всего она, конечно, нужна как пусть междисциплинарная, но отрасль лингвистики.

О. Б. Сиротинина
М. А. Кормилицына

Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России: сб. науч. тр. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 320 с.

Сегодняшний интерес к массовой литературе вызван происходящим на наших глазах изменением культурных конвенций, способов распространения и потребления литературы, структуры читательской аудитории. Так называемая массовая, или «формульная», литература ставит литературоведов перед необходимостью выйти за пределы устоявшихся критериев художественности и привычного аналитического инструментария. Как явление пограничное, массовая литература становится «областью ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены»¹. Принципиальный полилингвизм пограничных феноменов заставляет исследователей обратиться к вопросам социологии, психологии, культурологии. Закономерно, что в теоретическом осмыслении массовой литературы, начавшемся на Западе в 1930–1940-е гг., изначально преобладал междисциплинарный подход, подхваченный отечественными учеными только в последние двадцать пять лет. Выпущенный издательством ИМЛИ РАН научный сборник «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России» представляется в этой связи актуальным и важным.

Этот труд является, по существу, коллективной монографией, что выгодно отличает его от многих изданий подобного типа, больше напоминающих сборники статей. Компаративистский подход и обширный материал позволил авторам впервые проанализировать рецепцию популярных произведений западноевропейской литературы в России XVII–XX вв. Изучение отдельно взятого литературного явления сквозь призму инокультурной рецепции сделало сборник одинаково интересным для историков и русской, и зарубежной литературы.

В фокусе внимания исследователей оказались разнообразнейшие сюжеты и образы: от средневековой легенды о фее Мелюзине до «экзотических» историй «итальянского Верна» Эмилио Сальгари. Источниками в большинстве случаев послужили популярнейшие в свое время, но ныне почти забытые имена (Картуш, Фоблас) и авторы (Поль де Кок, Эдмондо де Амичис), чье творчество стало сегодня фактом национальной литературной истории и известно лишь узкому кругу специали-

стов. Исключение составляют лишь пережившие свое время романы Александра Дюма, «отнюдь не книги одного дня» (с. 266), как верно отмечает Н. Т. Пахарьян в посвященной ему статье.

Проблему рецепции этого литературного пласта на русской почве задает статья А. С. Курилова, детально исследующая изменение взглядов мэтра русской литературной критики XIX в. В. Г. Белинского на западноевропейскую беллетристику. В дальнейшем специфика отечественного восприятия и освоения европейской традиции прослеживается на примере творчества отдельных авторов (Поля де Кока в статье И. Еленгеевой), прототипов героев (Дубровского в исследовании М. Р. Ненароковой), судьбы литературного поджанра (романов французского либертинажа в статье Е. Е. Дмитриевой) и, главным образом, трансформации произведения-первоисточника. Следует отдельно отметить новизну статей, основанных на редких, в том числе газетных, эпистолярных и архивных материалах (Е. В. Акельева, А. В. Голубкова, Е. П. Гречаной, Т. А. Зотовой, И. К. Стафф, Н. Т. Пахарьян, С. Робарде-Эппстейн). Несомненным достоинством сборника является то, что он позволяет составить представление об особенностях переводов популярной литературы на русский язык и осуществленных при этом формально-содержательных изменениях, затронувших разные уровни оригинального произведения: сюжет (А. В. Голубков, Л. А. Курьшева, Е. Ю. Сапрыкина), образы (Т. И. Акимова, Е. П. Гречаная, М. Р. Ненарокова, К. А. Чекалов), лексико-стилистические особенности (И. К. Стафф, Е. Е. Дмитриева), жанровые доминанты (Г. Н. Ермоленко, Т. Е. Автухович). Особый интерес вызывают статьи, демонстрирующие примеры двойной адаптации текста с участием языка-посредника, как, например, при переводе на русский язык итальянских героических поэм с французского прозаического переложения. Г. Н. Ермоленко, завершая свое исследование на эту тему, высказывает важную мысль о том, что «перевод предлагал русской литературе новые жанровые формы и стилевые тенденции, созвучные происходящим в ней процессам перестройки системы жанров и эволюции стиля» (с. 169).

Авторы включенных в сборник статей показывают, каким образом некоторые литературные сюжеты на определенный период получают распространение за пределами породившей их культуры и каким именно трансформациям подвергаются в культурах-реципиентах. К числу важных результатов коллективного исследования можно отнести описание стратегий адаптации произведения-источника на русской почве. Среди них наиболее устойчивыми представляются опора на культурные стереотипы воспринимающей стороны и использование беллетристических сюжетов с дидактической и/или развлекательной целями (А. С. Курилов, Т. И. Акимова, Е. П. Гречаная, И. К. Стафф, М. Р. Ненарокова и др.).

Представленные статьи свидетельствуют о том, что заимствование, каким бы ни был талант автора, идет в основном на сюжетном уровне. Показательна в этом плане статья Е. Ю. Сапрыкиной о многоуровневом характере трансформации сюжета рассказа Э. Де Амичиса «Учительница рабочих». Сначала адаптация к русскому контексту происходит на этапе перевода («учителочка» – «учительница», «святое дело» учительства и др.). Затем в сценарии фильма по мотивам рассказа сглаживается социально-педагогическая составляющая конфликта и усиливается мелодраматическая, ориентированная на отечественного массового зрителя. Действие переносится на русскую почву с соответствующим стереотипным антуражем (косоворотки, картузы, семечки, пляски, балалайки). Наконец, под влиянием творческой индивидуальности автора сценария и исполнителя главной роли В. В. Маяковского радикально меняется образ главного героя, приобретая романтические и трагические черты. Если добавить к этому дальнейшие, как упомянутые, так и не отмеченные в статье, трансформации анализируемого сюжета (в советских фильмах «Дело было в Пенькове», «Весна на Заречной улице», «Большая перемена»), можно заключить, что процесс освоения текста-источника на русской почве был многоступенчатым и достаточно органичным.

Единство рецензируемому сборнику статей придает наличие сквозных мотивов. В ряду популярных и даже сенсационных в свое время литературных образов выделяется упоминаемый несколькими авторами Картуш. Ему посвящены и два специальных исследования. Статья Е. В. Акельева, основанная на ценных исторических документах, вносит уточнения в биографию легендарного французского вора, а сценические и кинематографические версии интерпретации этого образа в разных европейских странах на протяжении XVIII–XX вв. анализируются К. А. Чекаловым. Переключки между отдельными статьями на уровне упоминаний образов (помимо Картуша, назовем в качестве примера Ваньку Каина), произведений («Любовные похождения шевалье де Фобласа», «Ножка Фаншетты», «Разбойники»), имен (Поль де Кок, Белинский) придают сборнику цельность. В значительной степени она достигается за счет единства проблематики и предлагаемого авторами угла зрения на судьбы западноевропейской массовой литературы сквозь призму русской рецепции.

К сожалению, этого нельзя сказать о терминологическом и теоретическом аспектах издания, которое, на наш взгляд, отражает сильные и слабые стороны отечественной историко-литературной науки. Во вступительной статье к сборнику его составители М. Р. Ненарокова и К. А. Чекалов подчеркивают, что поставленные перед авторским коллективом задачи предполагали «анализ общих особенностей генезиса массового чтения», тогда как теоретические проблемы «не являлись <...>

приоритетными» (с. 5). Рецензируемый труд, действительно, охватывает многообразный и чрезвычайно интересный корпус произведений, который необходимо изучать и разрабатывать, и осуществленный авторами серьезный шаг в этом направлении имеет высокую научную значимость.

Думается, однако, что следующим этапом движения по заявленному пути должна стать теоретическая разработка соответствующей проблематики. В сборнике каждый автор справедливо выбирает наиболее адекватный его материалу язык описания (беллетристика, популярная литература, массовая, низовая, народная, развлекательная, формульная), но в совокупности отсутствие необходимого теоретического базиса приводит к терминологической несогласованности и размыванию границ описываемого феномена. Это осознается и самими авторами, что выражается в констатации факта отсутствия в российской науке достаточной меры рефлексии по этому вопросу (М. Р. Ненарокова, К. А. Чекалов), в отдельных попытках выхода в область теории (Г. Н. Ермоленко), а порой и в излишней модернизации (Т. Е. Автухович).

Общее представление о том, что такое «массовая литература» в терминологическом смысле, дает Н. Т. Пахсарьян, справедливо указывая, что ее формирование происходит после «восстания масс», на рубеже XIX–XX вв., и предполагает «демократизм культурного быта, вкуса <...> развитость рыночных отношений» (с. 265). Приведенная в статье мысль английского исследователя С. Ф. Норейко о том, что «массовый писатель все время пишет (переписывает), а массовый читатель все время читает (перечитывает) одну и ту же книгу» (с. 265), подводит к выводу о формульном характере массовой литературы, который после пионерских трудов Джона Кавелти² прекрасно исследован на Западе. Заимствование сюжетов, происходящее на этапе до возникновения массовой литературы, и формульность массовой литературы нам представляются качественно различными механизмами, свойственными разным этапам литературного развития. На традиционалистских этапах сюжетные схемы и отдельные образы заимствуются в процессе точечных литературных контактов и подвергаются органическому усвоению в литературе-реципиенте; в XX в. формульные жанры распространяются, по сравнению с прошлыми периодами, молниеносно, и их адаптация на новой почве, как правило, заключается в замене оригинального материала на материал принимающей культуры. Подчеркнем, что для возникновения массовой литературы главное – существование сложившегося литературного рынка, становление которого идет в разных культурах с разной скоростью. В рецензируемом сборнике большинство статей посвящено, строго говоря, «низовой» или «народной» литературе, и использованный в его названии термин «массовая» не вполне соответствует описываемому материалу.

Это замечание относится и к определению «зарубежная», которое представляется слишком широким, поскольку в поле зрения исследователей попадают только Франция, Италия и Германия. Авторы опираются, главным образом, на романскую традицию, за пределы которой выходит лишь статья Т. А. Зотовой о народной книге в драматургии Людвиг Тика. Но представить картину генезиса западноевропейской массовой литературы невозможно без обращения к английской традиции, поскольку формирование литературного рынка впервые происходит в Англии XVIII в. как стране с опережающими темпами развития капитализма. Что же касается рецепции творчества популярных английских прозаиков в России, то, по всей вероятности, у отечественного читателя не было возможности настоящего доступа к их произведениям в этот период. По свидетельству Ю. Д. Левина, «в царствование Екатерины II и Павла I, то есть в 1762–1801 годы, с французского языка были переведены 382 романа, с немецкого – 126, а с английского – всего лишь 8»³. В России английских авторов переводили с французского и немецкого, в этом смысле ситуация их рецепции схожа с адаптацией рассмотренных в сборнике итальянских рыцарских поэм. Важно также, что в случае с английскими романами речь шла не о беллетризации высокой литературы, а о переводах нарождающейся массовой, предварительный отбор которой совершался не в русской, а в других европейских культурах, выступавших в качестве посредников. Привлечение образов английской и других национальных литератур можно рассматривать в качестве перспективы дальнейших исследований.

В целом, рецензируемый сборник – это удачная и интересная попытка комплексного исследования формально-содержательных особенностей произведений Нового времени, способствовавших демократизации литературы и формированию моделей для массового производства литературной продукции как в Западной Европе, так и в России. Его материалы будут ценны и полезны для широкого круга отечественных гуманитариев.

Примечания

- ¹ Лотман Ю. Семиотика культуры // Лотман Ю. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 15.
- ² См.: Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance : Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976 ; Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Нов. лит. обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
- ³ Левин Ю. Английская литература в России XVIII века. URL: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm> (дата обращения: 05.05.2017). См. также: Алексеев М. Русско-английские литературные взаимосвязи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982.

И. Ю. Иванюшина
И. В. Кабанова
С. Ю. Павлова

Щедринский сборник. Вып. 5: М. Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / ред.- сост. Е. Н. Строганова. М.: РИО МГУДТ, 2016. 352 с.

В конце 2016 г. увидел свет очередной «Щедринский сборник». Книга продолжает серию изданий, которые выходят в Твери с 2001 г. Пятый выпуск посвящен связям М. Е. Салтыкова-Щедрина с его эпохой и приурочен к 190-летию со дня рождения классика. Как и в предыдущем, в нем представлены материалы к энциклопедии «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники».

Идея создания энциклопедии принадлежит доктору филологических наук, профессору Е. Н. Строгановой, которая является редактором-составителем всех выпусков «Щедринского сборника». Каждый раз Е. Н. Строгановой удается, что называется, по крупицам собрать и представить в книгах разные направления, связанные с изучением жизненного пути и литературной деятельности сатирика. Она пытается привлечь к изучению его жизни и творчества все больше исследователей. И если обратиться к географии пятой книги, можно увидеть, что к той или иной стороне жизни или творчества Салтыкова-Щедрина обращаются сегодня исследователи и в Твери, и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Саратове, и в Ульяновске, и в Костроме, и в Вологде, и в других городах. Надо сказать, что это вселяет надежду на то, что изучение невероятного интересного мира Салтыкова-Щедрина будет продолжено. Ведь «... в современной культуре общий интерес к Салтыкову невелик», и «чрезвычайно мало специальных работ, в которых бы освещалось взаимодействие Салтыкова с его современниками»¹. Интерес к Щедрину угасает не только в науке, но и в обществе в целом. Об этом свидетельствует, например, скромно отмеченная юбилейная дата – 190-летие со дня рождения писателя (а ведь не за горами и его двухсотлетний юбилей). Очевидно, в наши дни интерес к классику следует возрождать. Авторы рецензируемого сборника в очередной раз продемонстрировали, как это можно делать. Обратившись к широкому кругу самых разных имен второй половины XIX столетия, так или иначе связанных с личностью сатирика или его произведениями, а также к самым разным темам – от полемики Щедрина с Лесковым до восприятия его наследия в Интернете, – они составили своеобразную богатую и пеструю галерею, постепенно заполняемую все новыми портретами и подробностями.

Открывают пятый выпуск «Щедринского сборника» материалы энциклопедии «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники». Им посвящена первая часть книги. Она включает 41 статью и рассказывает о русских и зарубежных ученых, писателях, журналистах, издателях-книгопродавцах, чиновниках, актерах, живописцах, священнослужителях, деятелях культуры, родственниках Салтыкова. Статьи содержат биографическую справку о персонаже и рассказ о его прямых или

косвенных связях с писателем. Каждый из персонажей, даже если не был знаком с Михаилом Евграфовичем, либо упомянут им в произведениях, либо имел какое-то отношение к его жизни и деятельности, либо сам писал о нем. Например, мы узнаем о том, как относился Салтыков к писателю М. В. Авдееву: «С. признавал, что А. не обделен талантом, но, выбирая “правильную”, общественно-значимую тему, он увлекается “заимствованным колоритом” и не пользуется “ничем из богатого материала, который находился у него под руками”» (Юхнович В. И. С. 12). Узнаем и о том, что Салтыков «знал и читал» «Газету А. А. Гатцука», в которой «неоднократно встречается» его имя (Книгин И. А. С. 40). Из статьи о юристе и поэте А. Л. Боровиковском узнаем о «глубокой личной симпатии» сатирика к члену кружка его близких приятелей и карточных партнеров – «компании мушкетеров» (Строганова Е. Н. С. 20). В статье, посвященной Н. М. Карамзину, говорится о том, что, «несмотря на консерватизм общественно-политических взглядов, эстетическое несовершенство и архаичность текстов К., С. воспринимал его как значительное явление и признавал его влияние на литературу» (Строганова Е. Н. С. 52). В статье об И. Н. Крамском читаем, что Салтыков иронически высказывался о первой выставке передвижников и вместе с тем высоко оценивал талант автора его портретов (Матвеева И. Ю. С. 55–56). Из других материалов выясняется, почему в словник будущей щедринской энциклопедии попадают имена турецкого государственного деятеля Мидхат-паши и персидского шаха Нарс-эд-дина (Маркелова Г. В. С. 68–69): деятельность обоих послужила материалом для очерков Щедрина. В статье об иерархе русской православной церкви и богослове Филарете рассматривается, почему «в текстах С. имя Ф. упоминается неоднократно, но всегда в негативном смысле» (Бузько Е. А. С. 86). Любопытна статья о жене Салтыкова Елизавете Аполлоновне, повествующая об истории любви Михаила Евграфовича и раскрывающая отношения между супругами на протяжении их совместной жизни (Строганова Е. Н. С. 75–83).

Каждая статья в первой части «Щедринского сборника» отмечена основательностью и представляет значительную научную ценность и для дальнейшего изучения жизни и понимания творчества великого писателя, и для истории отечественной литературы, культуры, общественной мысли. Впервые именно в связи с Салтыковым рассматриваются редко упоминаемые ныне губернатор В. А. Арцимович, книгопродавец А. Ф. и И. В. Базуновы, балерина Е. О. Вазем, зоолог и путешественник А. Гумбольдт, лицейский профессор П. Е. Георгиевский, актриса С. И. Лядова, издатель И. И. Глазунов, историк И. Е. Забелин и многие другие личности, обращение к которым помогает воссоздать отдельные эпизоды из жизни писателя и прокомментировать его произведения.

Вторая часть «Щедринского сборника» состоит из трех разделов: биографические и творческие связи писателя; интерпретация и комментирование его текстов; изучение рецепции Салтыкова в XX–XXI вв. **Раздел о биографических и творческих связях** включает публикации, связанные в основном с тверским периодом жизни М. Е. Салтыкова. Из них можно узнать о родственниках писателя Зиловых, одной из которых была его племянница – певица П. Н. Веревкина, за судьбу которой Михаилу Евграфовичу не раз приходилось хлопотать (Поведская И. Н. С. 105–113; Культепина О. А. С. 144–149). Отдельная статья посвящена знакомству М. Е. Салтыкова с декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом и их нескольким встречам в Твери. Здесь приведены фрагменты из неопубликованных писем Муравьева-Апостола, в которых он упоминает автора «Губернских очерков» (Лумпанова Г. А. С. 120–124). Статья «М. Е. Салтыков-Щедрин и П. П. Максимович: Русский либерал в литературе и в жизни» поднимает вопрос о соотношении литературного образа русского либерала, созданного Щедриным, и реального представителя либеральной интеллигенции – общественного деятеля, основателя первой в России земской женской учительской школы П. П. Максимовича. Проследивая тему русского либерализма в творчестве писателя, автор статьи приходит к выводу, что «Щедрин практически не увидел ничего хорошего в деятельности русских либералов» (Ильина Т. А. С. 139). В материале, посвященном книготорговцам Базуновым, уточняются сведения о некоторых членах этой династии, а также рассказано об участии Салтыкова в сборнике памяти А. Ф. Смирдина (Тимофеева Л. А. С. 141–156). Завершает раздел каталог фотопортретов Салтыкова и его родных, которые хранятся в фондах Государственного литературного музея. Несколько фотографий Салтыкова и его детей размещены на страницах 159–158 сборника (Богданова Л. А. С. 157–165). Во всех статьях данного раздела представлены факты, материалы, документы из архивов и малоизученных печатных источников, которые впервые вводятся в научный оборот и не просто значительно дополняют известные сведения о Салтыкове, но и уточняют и исправляют неверную информацию.

Раздел «**Комментарии и интерпретации**» открывается комментарием Н. А. Николаевой к очерку «Приятное семейство». Обращаясь к жизни известного петербургского пианиста и педагога А. А. Герке, а также к вятскому окружению Салтыкова, автор делает вывод, что упоминаемая в очерке «ученица Герке» – «это обобщенный образ, соединяющий в себе “характеристические черты” нескольких вятских музыкантш» (Николаева Н. А. С. 166). Комментарии к «Истории одного города», представленные в статье Е. Н. Грачевой и А. В. Вострикова, основаны на опыте комментирования романа для издательства «Азбука» в серии «Школьная библиотека». Уточ-

нение значений отдельных слов и выражений и бытования упомянутых в тексте реалий позволяет комментаторам прояснить отношение автора к ряду исторических и современных ему событий, обнажить механизм построения художественного образа (Грачева Е. Н., Востриков А. В. С. 174–190). В статье С. М. Шаврыгина, также обращенной к «Истории одного города», показано, как генезис образа последнего глумовского градоначальника Угрюм-Бурчеева связан с литературным образом Петра I в поэмах А. С. Пушкина «Полтава» и «Медный всадник» (Шаврыгин С. М. С. 191–198). Л. В. Чернец сопоставляет мотив лицемерия в цикле Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи» и в произведениях Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и А. К. Толстого (Чернец Л. В. С. 199–210). Исследуя включенность Салтыкова в общенациональную дискуссию 1860–1870-х гг. по «женскому вопросу», А. В. Белова на материале очерка «По части женского вопроса» делает вывод «о невозможности идентификации отношения самого Салтыкова к “женскому вопросу” на основе данного текста ввиду особой стилистической манеры его письма, известной в современной Интернет-культуре как троллинг» (Белова А. В. С. 211). М. В. Строганов рассматривает отношение Салтыкова к Оффенбаху и к оперетте, основоположником которой являлся композитор. Исследователь полагает, что «оперетта Оффенбаха была важным шагом вперед для всего музыкально-драматического искусства». Салтыков же не признавал массового искусства, к каковому относили оперетту, и видел в подобных жанрах лишь упадок культуры. «Сопоставление салтыковских оценок с последующим бытованием оперетты как жанра, и оперетт Оффенбаха в частности, помогает понять современные процессы в массовой культуре», – подчеркивается в статье (Строганов М. В. С. 221). Д. К. Равинский пишет об отношении Салтыкова к Императорской публичной библиотеке, носившей в советское время имя М. Е. Салтыкова-Щедрин. Исследователь подчеркивает парадоксальность этого явления, поскольку писатель никогда не посещал библиотеку и относился к библиографам и библиографии довольно скептически (Равинский Д. К. С. 249–258). Посмертно опубликованным «Забытым словам» посвящена статья С. Ф. Дмитренко, который рассматривает последнее произведение писателя в контексте русской литературы 1880-х гг. (Дмитренко С. Ф. С. 259–270).

Завершает вторую часть сборника раздел «**Рецепция**». Различным пониманием природы сатирического творчества и роли в нем смехового начала объясняет неприятие творчества Салтыкова-Щедрин русской радикально-демократической критикой второй половины XIX в. В. В. Тихомиров (Тихомиров В. В. С. 271–282). А вот М. Л. Песковский, которому посвящена статья И. А. Книгина, выражал явную симпатию

к творчеству Салтыкова-Щедрина и называл его «великим мастером русского печатного слова» (Книгин И. А. С. 283). А. М. Ремизов также высоко ценил литературное наследие Щедрина: в 1937 г., находясь в эмиграции, он пишет очерк о нем. Ю. В. Розанов отмечает, что «внимательное и уважительное отношение к классику со стороны Ремизова, апелляция к щедринским темам и образам резко контрастирует с негативным отношением к Салтыкову-Щедрину в литературной культуре Серебряного века». «Юбилейная направленность очерка, обозначенная в первоначальной заглавии “К пятидесятилетию «Пошехонской старины»”, – отмечает исследователь, – отражает давнюю мысль Ремизова о том, что великие литературные произведения, как и великие люди, заслуживают календарного почитания» (Розанов Ю. В. С. 296). Об одной из таких дат пишет Е. Г. Елина в статье «М. Е. Салтыков-Щедрин в 1926 году». Как отмечает автор статьи, Салтыков-Щедрин в 1920-е гг., «с одной стороны, разделил судьбу большинства русских классиков, а с другой, был выдвинут массовой критикой в число “лучших и талантливейших” писателей прошлого» (Елина Е. Г. С. 305). Вопрос об интерпретации образа Салтыков-Щедрина скульптором С. Т. Коненковым рассматривается в статье А. К. Коненковой, которая сопоставляет эту работу с другими скульптурными портретами писателя. К статье прилагается скульптурная иконография М. Е. Салтыкова (Коненкова А. К. С. 311–318).

Заключительные статьи раздела обращены к насущным современным проблемам. Е. В. Федотова делится опытом изучения Салтыкова-Щедрина в сегодняшней школе. В статье выявляются трудности, связанные с обращением к творчеству писателя, анализируются причины их возникновения, предлагаются приемы их устранения (Федотова Е. В. С. 319–328). Е. Н. Строганова пишет об особенностях бытования имени и текстов Салтыкова-Щедрина в XXI в. Проанализировав разнообразные интернет-источники, автор приходит к выводу, что «популярность имени Салтыкова в наши дни носит в значительной степени иллюзорный характер, поскольку большинство из тех, кто цитирует его острые и актуальные высказывания,

по-настоящему не знакомы с творчеством писателя» (Строганова Е. Н. С. 341).

Подобные резюме, полученные в ходе исследований творчества Салтыкова-Щедрина, позволяют еще раз сказать о том, насколько актуальным является сегодня обращение к наследию писателя и каким важным событием в щедриноведении и литературоведении в целом стал очередной выпуск «Щедринского сборника».

Выпуск завершает некролог Александра Петровича Ауэра, который плодотворно занимался изучением поэтики Салтыкова-Щедрина и был неизменным участником всех конференций и сборников, посвященных писателю. Последняя статья А. П. Ауэра о Салтыкове – «К вопросу об эволюции поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина» – была опубликована в четвертом выпуске «Щедринского сборника» и оказалась итоговой.

Завершает книгу роспись статей всех «Щедринских сборников».

Особого внимания заслуживает обложка книги, на обеих сторонах которой представлены работы вятского художника М. В. Наумова: «Как Салтыков Щедрина в Крутогорске повстречал» (2016) и «Опись градоначальникам» из иллюстраций к роману «История одного города» (2014). М. В. Наумов, работающий в области иллюстрации и экспериментальной скульптуры, предложил собственную интерпретацию текста «Истории одного города». Его работы, в том числе и воспроизведенная на обложке, прекрасно интерпретируют созданные писателем образы, погружая читателя в особый мир Салтыкова-Щедрина.

Хочется надеяться, что труды литературоведов, составившие пятый «Щедринский сборник», и работы вятского художника сподвигнут современных читателей перечитать щедринские страницы, а исследователей – обратиться к творчеству великого писателя.

Примечания

- ¹ Строганова Е., Строганов М. О проекте энциклопедии «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники» // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 5. С. 83.

Ю. Н. Анисеева